

Наблюдая за тем, как Чжао Цзэ усаживается, Сян Хань тихонько кашлянул и напустил на себя серьезный вид.

— Поскольку ты теперь наш, ты должен держать себя в узде. Даже не думай жениться и рожать детей, одновременно...

— У верного слуги никого нет и не будет, — тут же поднял руку и поклялся Чжао Цзэ, но вспомнив о пиршестве любования цветами, смущенно пояснил: — Сегодняшнее событие устроила матушка, и верный слуга не знал об этом заранее.

Последнее он сказал немного неуверенно, он вдруг вспомнил, что его мать, кажется, что-то говорила ему прошлым вечером, когда он вернулся домой. Вот только тогда все его мысли были заняты маленьким императором, поэтому он совсем не придавал этому значения.

Лицо Сян Ханя чуть зарумянилось, ему не хотелось признаваться себе, что он, похоже, ревнует, и он изо всех сил старался выглядеть невозмутимым.

— Если ты не женишься, как ты объяснишь это дома?

— Верный слуга все уладит, его величеству не о чем беспокоиться, — заверил его Чжао Цзэ и с надеждой спросил: — У верного слуги будет только его величество, может ли и у его величества быть только верный слуга?

Сян Хань кашлянул и немного сердито сказал:

— Кроме сановника Чжао, у кого еще хватит смелости?

Глаза Чжао Цзэ загорелись, его сердце наполнилось радостью. Посидев какое-то время, он не утерпел и тихо сказал:

— Ваше величество, стол верного слуги слишком низко, долго сидеть за ним нет никаких сил.

Сян Хань молча возвел глаза к вершине зала, сдвинулся в сторону и бесстрастно сказал:

— Поднимайся сюда.

Чжао Цзэ торопливо встал и, не взяв с собой ничего, с пустыми руками подошел и, обняв маленького императора, вместе с ним принялся читать донесения.

Сян Хань какое-то время потерпел, а когда почувствовал, что больше не может это выносить, нахмурившись, спросил:

— Сановник Чжао, тебе не кажется, что вот так выносить решения менее эффективно, чем нам самому?

— Тогда верный слуга не будет беспокоить его величество, — Чжао Цзэ перестал читать донесения и, обнимая маленького императора, прислонил его к себе. В ответ на пристальный взгляд он очень серьезно пояснил: — Так будет удобнее и снизит усталость.

Сян Хань поерзал, так и вправду было удобнее, и расслабленно откинулся на мужчину.

Когда донесения закончились, Чжао Цзэ снова заговорил:

— Ваше величество, верный слуга не успел пообедать, когда его вызвали...

Уголки губ Сян Ханя дернулись, и он невозмутимо сказал:

— В таком случае оставайся, мы вместе поужинаем.

Покончив с едой Чжао Цзэ опять заговорил:

— Ваше величество, время уже позднее, возвращаться домой в такое время небезопасно. Не знаю, может ли верный слуга остаться...

Сян Хань взглянул на небо и прервал его:

— Сановник Чжао, не перегибай. Еще даже не стемнело.

— У его величества нет «важных дел» для обсуждения с верным слугой? — не хотел сдаваться Чжао Цзэ. Он ведь только что узнал, что его чувство к маленькому императору взаимно. Ему хотелось проводить вместе все время. Разве мог он уйти?

— Нет, сановник Чжао, иди домой, — спокойно сказал Сян Хань.

После такого прямого указания, Чжао Цзэ был вынужден уйти.

Проводив его взглядом, Сян Хань поспешно распорядился вызвать придворного лекаря. После чего, выгнав всех, он осторожно спросил:

— Придворный лекарь Дэн, хотим спросить, есть ли у тебя такого рода... кхэ, лекарство, которое вызывает возбуждение, но ослабляет тело?

— ...

На лице придворного лекаря появился испуг.

— Да или нет? — с каменным выражением лица спросил Сян Хань.

По идее, поскольку они в положении правителя и придворного, ему всего-то нужно проявить величие императора, и можно не бояться, что Чжао Цзэ не повинуется. Но из опыта прошлых миров он решил, что лучше все-таки использовать лекарство в качестве небольшой подстраховки на ночь.

Придворный лекарь на какое-то время остолбенел от страха и, трясаясь, поспешно кивнул.

— Да, но его нужно приготовить.

Глаза Сян Ханя загорелись, он торопливо распорядился:

— Тогда иди и приготовь. Мы хотим немного к завтрашнему дню.

Придворный лекарь Дэн сделал все очень быстро. Ночью он приготовил лекарство и на следующий день утром лично вручил его Сян Ханю.

В это время Сян Хань вместе с Чжао Цзэ рассматривал донесения. Заметив, что Чжао Цзэ вопросительно смотрит на него, он поспешно спрятал пузырек с лекарством в рукав, сделав вид, что ничего не произошло.

Чжао Цзэ отвел взгляд, дождался, когда придворный лекарь Дэн уйдет, и снова сел рядом с Сян Ханем, прислонив его к себе.

Сян Хань напрягся, но убедившись, что Чжао Цзэ ничего странного не заметил, постепенно расслабился и снова переключил свое внимание на донесения.

Ну, а Чжао Цзэ уже давно заметил, что с ним что-то не так, но не подал виду. Он дождался, когда Сян Хань потеряет бдительность, просунул руку в рукав Сян Ханя и высыпал половину порошка из пузырька себе в ладонь. Затем нашел предлог, чтобы уйти.

Глядя, как он уходит, Сян Хань невольно коснулся пузырька с лекарством, убедился, что он на месте, и с облегчением вздохнул.

Чжао Цзэ беспокоился. Он думал, что маленький император болен, но не хотел говорить ему об этом, поэтому взял немного порошка и попросил доктора за пределами дворца определить что

это за лекарство.

Однако, когда он узнал, свойства лекарства, на его лице невольно появилось труднопостижимое выражение. Афродизиак, который в то же время лишает сил. Маленький император попросил приготовить такое лекарство, очевидно, не для себя. В таком случае остается только одна возможность...

Уголки губ Чжао Цзэ чуть дернулись. На самом деле, раньше он не задумывался над тем, кто будет сверху, а кто снизу, но, поскольку маленького императора это волновало, ему пришлось найти кое-какие «обучающие» книги. Просмотрев парочку книг, он почувствовал слабость и головокружение.

Особенно когда он вместо людей на картинках представлял себя и маленького императора, фантазируя, как он прижимает любовника своим телом к императорскому ложу, к столу... Его сознание затуманилось, голова закружилась, а походка стала неровной.

Хотя он знал, что такие мысли являются преступлением и неуважением, когда он думал о том, как маленький император плачет и молит о пощаде, задыхаясь и цепляясь за него, в его сердце расцветало извращенное чувство удовлетворения. В конце концов, это высочайший и недостижимый император, никто кроме него, не может обладать им.

Оставшуюся часть дня Чжао Цзэ не мог ни о чем думать, а ночью ему приснился маленький император податливый и томительный.

Утром, стоя в первых рядах в главном зале, украдкой глядя на величественное лицо маленького императора, он не мог перестать представлять сцену, в которой погибает его на троне, и едва прилюдно не истекал кровью из носа.

— Сановник Чжао, как ты думаешь?

Маленький император неожиданно вопросительно посмотрел на него, в голове Чжао Цзэ было пусто, он понятия не имел, о чем они говорили. Ему только и оставалось выступить вперед со своей пластинкой для записей* и увильнуть:

— Его величество говорит правильно, верный слуга согласен.

(*Длинная узкая полоса из бамбука, слоновой кости или нефрита у чиновников на царских аудиенциях)

Сян Хань чуть дернул уголками губ, догадавшись, что Чжао Цзэ, должно быть, только что отвлекся. Он махнул рукой и сказал:

— Раз так, то делай, как сказал, сановник Ло.

Ло Бай? Чжао Цзэ нахмурился, понимая, что они снова обсуждали вопрос о внедрении новой сельскохозяйственной культуры. На самом деле он был не согласен с решением маленького императора, оно было слишком поспешным, но в зале аудиенции он не стал ничего говорить.

После окончания аудиенции он сказал маленькому императору:

— Ваше величество, внедрение новых культур – дело хорошее, но делать это нужно постепенно. Если мы опрометчиво будем навязывать их, боюсь, это может вызвать отторжение у народа.

— Почему? — Сян Хань остановился.

Чжао Цзэ поравнялся с ним и продолжил:

— Правобережье реки Янцзы богато природными ресурсами, и люди привыкли есть очищенный рис и лучшие хлебопродукты. Боюсь, им будет сложно принять культуру, найденную господином Ло, распространить ее будет очень трудно.

— Ну, сановник говорит разумные вещи. Однако, если проголодаются, то начнут их выращивать.

Чжао Цзэ нахмурился, не понимая скрытого смысла его слов, но, видя, что он уже принял решение, оставалось только вздохнуть, раздумывая, как помочь маленькому императору преодолеть сопротивление.

Ло Бай, получив приказ, с головой ушел в работу. Сян Хань, не имея возможности есть приготовленную им пищу загрузил, однако в то же время он с беспокойством думал, что поскольку уже привык к блюдам малыша Бая, что же он будет делать после того, как сменит мир?

Чжао Цзэ взял чайник с вином и, заметив, что маленький император о чем-то задумался, скрытно пальцем натер носик чайника лекарственным порошком, после чего наполнил его чашку.

Сян Хань, увидев вино, тут же очнулся, подумав про себя, что почти забыл о сегодняшнем важном событии.

Он торопливо взял чашку и осушил ее, затем взял чайник с вином и лично наполнил чашу Чжао Цзэ. Чуть повернул крышку чайника и налил чашку себе. Притворно пригласил выпить.

Чжао Цзэ, увидев его уловку, насторожился, пока он пил, он прикрывал чашу рукавом и тайком вылил вино.

Сян Хань, украдкой глядя на него, самодовольно думал, что он специально использовал чудесное приспособление дворцовых интриг – чайник с разными отделами, на этот раз у него все получится.

Увидев, что Чжао Цзэ опустошил свою чашку, Сян Хань улыбнулся и налил ему еще одну. Однако через мгновение, пока Чжао Цзэ все еще держался, он повалился.

Ладони Чжао Цзэ вспотели. Глядя на обмякшего маленького императора, он выдохнул и приблизился, чтобы поддержать его, и мягко сказал:

— Ваше величество, верный слуга поможет вам удалиться на покой.

— Мм... — Сян Хань выдохнул тихий стон, спутанно думая, почему ему стало жарко?

Чжао Цзэ взволнованно поднял его и понес во внутренние покои. Махнул евнуху, отпуская его. Осторожно уложил Сян Ханя на императорское ложе и, опершись на локти, навис над ним.

Сян Хань резко открыл глаза и, увидев над собой Чжао Цзэ, тут же протрезвел, но как только он поднял руку, он обнаружил слабость во всем теле, и его прошиб холодный пот.

Как это случилось? Может, он перепутал и налил вино с лекарством себе, а без лекарства Чжао Цзэ? Или он выпил его позже?

Он тут же занервничал и запинаясь выдохнул:

— Чжао, сановник Чжао успокойтесь немного. Ты знаешь, что это оскорбление?

Чжао Цзэ посмотрел на него горящим взглядом и ласково выдохнул:

— Ваше величество, вам жарко? Верному слуге очень жарко.

— Нам, нам не жарко... — если бы, все его тело горело, как будто по нему текло электричество, время от времени накатывал болезненный зуд.

Чжао Цзэ поднял голову, погладил его по лицу и прошептал:

— Но верный слуга чувствует, вам очень жарко, вы даже вспотели.

Сян Хань невольно потерся о ладонь, словно зверек, но тут же очнулся. Стараясь держать себя в руках, он через силу сказал:

— Сановник Чжао, мы, мы, кажется, больны, ты иди, позови придворного лекаря...

Поскольку он старался подавить стоны, последние слова он практически выдавливал сквозь зубы.

— Вам не нужно звать придворного лекаря. Болезнь его величества может вылечить и верный слуга.

Голос Чжао Цзэ был хриплым, договорив, он больше не подавлял своего желания, его ладонь скользнула по щеке юноши, какое-то время ласкала его затылок, затем поползла вниз.

Сян Хань задохнулся, его подбородок чуть приподнялся, обнажая тонкую шею, на которой подрагивал кадык.

Глаза Чжао Цзэ потемнели, он склонился и завладел его губами. Сян Ханя окатила дрожь, он застонал.

Одежда обоих очень быстро пришла в беспорядок, а искусно вышитый парадный императорский халат совсем смялся. С трудом удерживаясь на телах, она едва их прикрывала.

Чжао Цзэ был в полной боевой готовности, с него непрерывно падали капли пота, но только когда Сян Хань тоже подался к нему, перестав сопротивляться, он двинулся вперед.

У Сян Ханя перехватило дыхание, он тут же пришел в себя, распахнув слипшиеся от пота веки. Он попытался поднять руку, чтобы оттолкнуть Чжао Цзэ, но в конце концов только и смог бессильно положить руку на его плечо, беспомощно принимая беспощадное вторжение.

<http://bllate.org/book/12631/1120571>